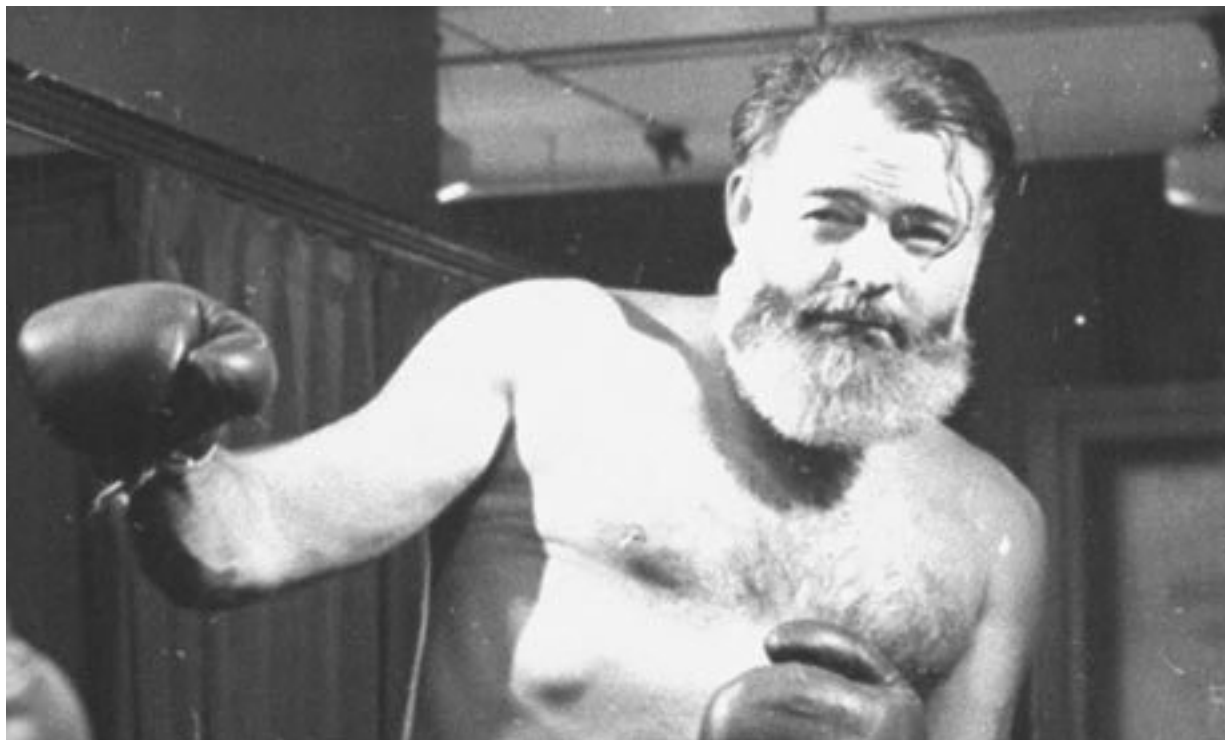

Герхард Хесс

КЕМ БЫЛ ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

(сокращенная версия)

Эрнест Хемингуэй в 1944, писатель и тайный агент. Фотография: Джордж Каргер

Эрнест Миллер Хемингуэй родился в 1899 году в зажиточной семье... Он прославился как репортер и романист. В 1953 году Хемингуэй даже получил Пулитцеровскую премию, а в 1954 году Нобелевскую премию по литературе, не столько за свои реальные заслуги, сколько в качестве политически мотивированного поклона перед нацией-победительницей во Второй мировой войне, которая в то время могла наслаждаться апогеем своего сенсационного триумфа. Тягу к насилию и жестокости вплоть до желания убийства этот страдающий серьезными психическими проблемами человек сохранил до самого своего конца; отличающийся алкогольными эксцессами и биполярным расстройством личности он застрелился – также поступил его отец – в возрасте 61 года.

О том, какая больная, сумбурная, путаная душа встретила так свой конец, заинтересовавшийся читатель может прочесть в его книгах. Алкоголизм, жестокость, тяга к насилию, необузданная сексуальность и депрессии были постоянными спутниками Хемингуэя на протяжении всей его жизни. Его литературное наследие характеризуется сухими, равнодушными описаниями же-

стокости и преступлений, совершенных любимыми автором типами пьяниц, невротиков, нимфоманок, наркоманов, гомосексуалистов и других странных в сексуальном отношении персонажей. Это был именно тот мир, в котором дух Хемингуэя вращался всю его жизнь.

Чтобы как можно ближе испытать беспощадность войны, но сначала без особого риска, Хемингуэй в молодости добровольно отправился санитаром на войну против немцев, которую вероломные итальянцы спровоцировали в 1914 году из-за своего жадного желания захватить земли Тироля. За время его короткого участия в боях в конце войны при итальянской пехоте Хемингуэю, кажется, удалось – согласно его собственному высказыванию – «санитару», убить несколько немецких солдат.

Убийство животного и человека оставалось большой психотической страстью Хемингуэя. С каким жестоким хладнокровием и бесчувственностью он воспринимал чужое горе, как он выступал в качестве садистского, внутренне абсолютно непричастного наблюдателя, таким же был и стиль письма этого «великого» и «страстно прославляемого» американского писателя. Картина мира Хемингуэя была по-детски примитивна, она характеризовалась тем узколобым идеалом чести и героизма, который вплоть до наших дней находит свое самое заметное проявление в американских фильмах-вестернах. «Настоящий мужчина», по мнению Хемингуэя, должен продемонстрировать свою мужественность, будь то в постели или в спальном мешке, всегда жестко и агрессивно, на спортивном поле и на поле сражения – и исключительно с помощью своей жестокости и половой потенции.

Его воодушевление убийством быка на испанской арене так же соответствовало его склонности к любому кровавому процессу, как и те эксцессы насилия, которые он как военный корреспондент умел предложить своей публике. У Хемингуэя не было чувства жизни и смерти. Его занимало только искусство искусного, умелого убийства.

Роман «По ком звонит колокол» был потрясающим успехом, не в последнюю очередь из-за того, что он умело служил инсценированному американским президентом Рузвельтом антифашистскому духу времени.

Война против Германии стала темой жизни Хемингуэя. Как член экипажа выглядевшего безвредно, но превосходно оснащенного радиостанцией и вооружением рыболовного катера, он крейсировал перед кубинскими территориальными водами, чтобы выслеживать немецкие подводные лодки, о которых он затем сообщал американскому военно-морскому флоту, чтобы тот смог их потопить. Он любил летать с летчиками во время разведывательных полетов, и когда американцы высаживались в Нормандии, он был там как военный репортер, который, однако, был очень хорошо вооружен – что полностью противоречило Женевской конвенции – и сгорал от желания убивать

немцев. Хемингуэй гордился тем, что он «убил 122 немца». За восемь месяцев своего участия во Второй мировой войне «папа Хемингуэй» был не солдатом, а аккредитованным военным репортером, т.е. гражданским лицом; то, что он делал, было настоящим подлым убийством! Как стало известно в результате исследований редактора журнала «Фокус», в письмах и биографиях содержатся указания на неоднократное убийство Хемингуэем немецких военнопленных. Лауреат Нобелевской премии гордо рассказывал о том, что убивал беззащитных немецких солдат, в том числе одного совсем юного мальчика, который попытался убежать от него на велосипеде. Хемингуэй признается в своих письмах, что он застрелил одного «наглого Фрица» и одного убежавшего молодого человека. Будь то в Карибском море как рыбак, в «Зеленых холмах Африки» на охоте на крупного зверя, в «Смерти после полудня» на испанской корриде, или в его любимом «мужском приключении войне» – смерть и убийство всегда присутствуют у Хемингуэя.

ДОПОЛНЕНИЕ

Владимир Абарин, радио «Свобода»

«Хемингуэй и другие агенты Сталина»

23 июля 2009

Выпущенная издательством Йельского университета книга «Шпионы. Взлет и падение КГБ в Америке» («Spies. The Rise and Fall of the KGB in America») приобрела широкую известность благодаря газетным статьям, посвященным одному из героев шестисотстраничного тома – Эрнесту Хемингуэю.

Действительно, в книге «Шпионы» опубликованы документы, о существовании которых прежде никто не знал: свидетельства того, что знаменитый писатель в 1941 году согласился работать на советскую разведку и несколько раз встречался с агентами Москвы. Но американские историки **Джон Эрл Хейнс** и **Харви Клер** доказывают, что Хемингуэй был лишь одним из многих десятков американцев, работавших на Сталина в 30-е и 40-е годы. В основу их работы легли документы из архивов Лубянки, переписанные бывшим сотрудником КГБ **Александром Васильевым**.

Харви Клер рассказал корреспонденту Радио Свобода о том, как Васильев получил доступ к архивам советской разведки и как его бумаги попали на Запад:

- В 90-е годы, вскоре после распада Советского Союза, Служба внешней разведки заключила контракт с издательством «Краун паблишерс» на серию

книг по истории шпионажа, у каждой из которых должно было быть два автора – российский и американский. Российский автор должен был получить доступ к архивам. Его выписки подлежали затем проверке комиссией по рассекречиванию. После проверки их можно было показать американскому автору, который, как планировалось, на этой основе напишет окончательный вариант текста книги.

С Васильевым, который был сотрудником КГБ до своей отставки в начале 90-х годов, заключили договор на книгу о советском шпионаже в Соединенных Штатах в 30-40-х годах. Его соавтором должен был быть **Аллен Вайнштейн (Уайнстайн)**. Он работал с материалами немногим более двух лет. За это время он законспектировал около 11 тысяч страниц очень подробных данных.

В середине 90-х Александр почувствовал нарастающую тревогу: проект стал непопулярен в некоторых подразделениях СВР, считавших, что он способствует разглашению государственных тайн. Циркулировали слухи, ни на чем не основанные, что Вайнштейн передает информацию ЦРУ. Существовала также вероятность, что **Борис Ельцин** проиграет выборы, и к власти придут коммунисты. Александр получал угрозы. И он решил, что лучше будет покинуть страну, что он и сделал – вместе с семьей он переселился в Великобританию.

Он взял с собой диск с текстом глав, которые он написал для представления в комиссию по рассекречиванию. Некоторые из них прошли проверку, некоторые – не успели. Эти материалы Вайнштейн использовал при написании книги «Заколдованный лес». Свои блокноты Александр оставил в Москве у доверенного человека, потому что боялся, что их конфискуют, если он повезет их через границу. Спустя несколько лет он организовал их доставку в Лондон, и они стали основой книги, которую Джон Хэйнс и я написали вместе с ним. Это гораздо более подробные материалы, чем те, которыми пользовался Вайнштейн, когда писал «Заколдованный лес».

Первая глава книги «Шпионы» посвящена самому громкому шпионскому делу конца 40-х годов – истории юриста и дипломата **Олджера Хисса**. Хисс стал героем двух судебных процессов, не признал себя виновным в шпионаже, был осужден, провел 44 месяца в тюрьме и до смерти в 1996 году упрямо доказывал свою невиновность. Споры вокруг этого дела не утихают до сих пор. Сторонники Хисса считают его жертвой антикоммунистической паранойи, охватившей американское общество в 50-е годы, жертвой правоконсервативных провокаторов, стремившихся запятнать репутацию Демократической партии обвинениями в измене. Российские историки, получившие в начале 90-х годов доступ к архивам Лубянки, не нашли свидетельств сотрудничества Хисса с советской разведкой. Однако документы, переписанные Александром Васильевым, не дают никаких оснований для сомнений.

Обложка книги «Шпионы. Взлет и падение КГБ в Америке»

«Любой здравомыслящий человек, изучив эти бумаги, придет к выводу о том, что Олджер Хисс работал на ГРУ», – говорит **Харви Клер**:

- Да, мы нашли несколько «дымящихся пистолетов». Васильев скопировал несколько документов, в которых Олджер Хисс упоминается под настоящим именем. В ряде других документов его называют кодовым именем, но из контекста и наших пояснений явствует, что речь идет именно о нем. Я бы сказал, что одно из самых убедительных доказательств – это донесение КГБ от 1950 или 51-го года, в котором говорится о ком-то под кодовым именем «Ленарт». Там сказано, что он агент ГРУ, военной разведки, и занимал должность руководителя одного из отделов Государственного департамента и что в 1950-м он был осужден за действия, связанные со шпионажем. Единственное лицо, удовлетворяющее всем критериям, – это Олджер Хисс. Так что мы считаем дело Хисса закрытым. Доказательства, что Хисс был шпионом, исчерпывающие. Материалы, которые видел Васильев, подтверждают это. Причем мы говорим о документах КГБ, а ведь он был агентом ГРУ. Я уверен, что архивы ГРУ, которые остаются закрытыми и, вероятно, никогда не будут открыты, содержат гораздо больше информации о Хиссе.

Среди других высокопоставленных американских чиновников, много лет работавших на советскую разведку, был сотрудник министерства финансов, один из создателей Международного Валютного Фонда и Всемирного банка **Гарри Декстер Уайт**. Харви Клер продолжает:

- В записях Васильева масса материала о Гарри Декстер-Уайте. Полагаю, доказательств того, что он был советским шпионом, являются исчерпывающими. Мы пишем о Декстер-Уайте вскользь, потому что можем немного добавить к тому, что уже сказано на эту тему. Но совершенно очевидно, что он работал на КГБ, что он был очень важным источником информации, и что КГБ ценило его весьма высоко.

Хотя американским коммунистам не понравилось описание вождя интербригад Андре Марти в романе «По ком звонит колокол», слава Хемингуэя и его готовность к сотрудничеству обеспечивали благосклонность компартии

С Гарри Декстером Уайтом был знаком и Эрнест Хемингуэй. История сотрудничества знаменитого писателя с Лубянкой рассказана в книге «Шпионы»:

*«Хемингуэй приехал в Мадрид писать о гражданской войне для Североамериканского газетного альянса. В Испании он сблизился с коммунистами, и после войны стал сотрудничать с компартией США. Хотя американским коммунистам не понравилось описание вождя интербригад **Андре Марти** в романе «По ком звонит колокол», слава Хемингуэя и его готовность к сотрудничеству обеспечивали благосклонность компартии.*

*В начале 1941 года Хемингуэй и его жена, журналистка **Марта Геллхорн**, готовились к поездке в Китай. Хемингуэй ехал не просто как репортер. **Гарри Уайт**, глава управления Министерства финансов, попросил его тайно собирать информацию об отношениях китайских коммунистов с Гоминьданом, о китайской транспортной системе и состоянии Бирманской дороги. Хемингуэй согласился. В Китае он провел четыре месяца, встречался с посланником Белого Дома **Лохлином Карри**, интервьюировал **Чан Кайши** и его супругу, тайно виделся с лидером коммунистов **Чжоу Эньлаем**.*

*Вернувшись, он написал отчет для Уайта и встречался с ним. О контактах с Уайтом историки уже знают. Однако до сих пор не было известно, что Хемингуэй общался не только с Уайтом, тайным агентом Москвы, но и – перед поездкой в Китай – имел непосредственный контакт с советской разведкой. Московский центр получил донесение от **Якова Голоса** – связного Лубянки в Американской компартии: «Несколько дней назад я узнал, – писал Голос, – что Эрнест Хемингуэй направляется в Китай через Советский Союз. Возможно, он обратится за советской визой. В Нью-Йорке он провел всего один день, и встретиться нам не удалось. Но мы договорились, что наши люди свяжутся с ним в Китае и покажут ему марки, которые он нам дал. Надо по-*

пробовать вступить с ним в контакт в Китае или Советском Союзе, используя пароль, о котором мы условились ранее. Уверен, что он будет сотрудничать с нами и сделает все, что может».

Яков Голос не уточняет, кто именно придумал пароль и забрал у Хемингуэя марки. Возможно, это был **Джон Херрман**, старый собутыльник Хемингуэя, несколько лет подпольно работавший на компартию в Вашингтоне.

Хотя нет свидетельств, что Хемингуэй действительно делал что-то для КГБ, контакты с миром шпионов явно вскружили ему голову. Вернувшись на Кубу, он подбил приятелей, с которыми выпивал и рыбачил, и бывших ветеранов испанской войны следить за прогерманскими элементами на острове. Он даже получил от американского посла средства для покрытия расходов. Вооружившись, эта компания на рыбацьем судне патрулировала побережье в поисках немецких подводных лодок. Писатель был убежден, что выполняет секретную миссию, однако директор ФБР **Джон Эдгар Гувер**, руководивший американской разведкой в Центральной и Южной Америке, не был впечатлен и говорил своим подчиненным, что Хемингуэй решительно не подходит для подобной роли.

А вот Москва возлагала на Хемингуэя надежды. Он получил оперативную кличку «Арго», и в ноябре 1941 года Центр инструктировал нью-йоркскую резидентуру: «Изыскивайте возможность отправлять его за границу в страны, интересные нам». Хемингуэй встречался с офицерами КГБ еще четыре раза, и Москва не теряла надежд.

В 1948 году на Лубянке была составлена справка на агента «Арго»:

«В 1941 году перед поездкой в Китай «Арго» был завербован для нашей работы агентом «Голос» по идеологическим мотивам. В Китае контакт с «Арго» установлен не был. В сентябре 1943 года, когда «Арго» находился в Гаване, где у него имеется вилла, наш сотрудник связывался с ним и, перед отъездом «Арго» в Европу, они дважды встречались. В 1943 году контакт с «Арго» был вновь установлен в Лондоне, где он находился в качестве военного корреспондента журнала «Кольерс». Связь была вскоре прервана, поскольку «Арго» отбыл во Францию. Когда «Арго» вернулся из Франции в Гавану, состоялась еще одна встреча. Наладить с ним связь не удалось, поскольку наш сотрудник вынужден был спешно покинуть страну. С тех пор попыток установить контакт с «Арго» не было.

Встречи с «Арго» в Лондоне и Гаване проводились с целью изучения его возможностей для нашей работы. За все это время «Арго» не предоставил никакой политической информации, хотя неоднократно выражал готовность помогать нам. Детально «Арго» не изучен. У нас имеется опознавательный знак для возобновления связей с «Арго».

Очевидно, речь идет о почтовых марках, которые упоминает в своем донесении Яков Голос. Посвященная агенту «Арго» глава книги «Шпионы» завершается так:

«Несмотря на все эти встречи и обещания сотрудничать, Хемингуэй никакой информации не предоставил, и в 49-м году американская резидентура включила его в список источников, связь с которыми не возобновлялась».

Но на этом история не кончается. В 1950 году, когда некогда процветавшая шпионская сеть в Америке стала разваливаться, Москва потребовала от американской резидентуры возобновить контакты с источниками или агентами, деактивированными или отвергнутыми за бесполезность. В списке был и Хемингуэй. В августе 1950 года Москва сообщала Вашингтону: «Напоминаем, что «Арго» был завербован в 1941 году агентом «Голос», но на практической работе проверен не был. У нас имеется опознавательный знак для возобновления связей с «Арго», и мы можем его переслать, если возникнет необходимость».

В октябре нью-йоркская резидентура сообщала, что хотя Хемингуэй поддерживает отношения с функционером компартии США Джозефом Нортон, он перешел на сторону троцкистов и критикует Советский Союз в своих статьях. Больше имя Хемингуэя в документах советской разведки не встречается.

Как и Хемингуэй, большинство советских агентов в Соединенных Штатах работали на Москву бескорыстно. Говорит **Харви Клер**:

«Думаю, значительное большинство агентов, завербованных советской разведкой, были идеологическими шпионами. Это относится и к людям, работавшим в американском правительстве. Программа Нового курса, начавшаяся в 1933 году, означала небывалый рост государственного аппарата. Множество молодых идеалистов отправилось в Вашингтон работать в администрации Франклина Рузвельта. Некоторые из них были коммунистами. К концу 30-х годов они оказались на таких должностях, где у них появился доступ к секретам. А поскольку работы в правительстве можно было лишиться, если открыто продемонстрировать свою принадлежность к коммунистической партии, партия организовала в правительственных учреждениях свои тайные ячейки. Эти тайные ячейки стали той базой, в которой советская разведка искала кандидатов для вербовки. Так что огромное большинство завербованных сотрудничало с Советами по идеологическим мотивам. Небольшое, но существенное число – похоже, это в основном агенты, передававшие техническую информацию – работало за деньги. Были и романтики, но их романтизм тоже носил идеологическую окраску».

Известие о том, что Эрнест Хемингуэй работал (или, точнее, воображал, что работает) на Москву, не вызвало особых возражений в Америке. А вот опуб-

ликованные в книге «Шпионы» материалы о сотрудничестве с Лубянской знаменитого журналиста **Ай Эф Стоуна** (шпионская кличка «Блин») породили полемику. Биографы и почитатели Стоуна говорят, что называть его шпионом некорректно.

Харви Клер уточняет:

«Интересно отметить, что наиболее острую дискуссию повлекли за собой наши материалы, касающиеся Ай Эф Стоуна. Мы получили гневную отповедь от целого ряда людей, и это отражает статус Стоуна как знаковой фигуры. Стоун не имел доступа к секретной информации, он был журналистом, когда был завербован в 30-е годы. Документы, которые мы видели, говорят о том, что он снабжал советскую разведку политическими сплетнями, исходящими из невысоких сфер, что он исполнял функции курьера, обращал внимание КГБ на людей, перспективных для вербовки, передавал информацию от одного из таких завербованных по его рекомендации агентов, **Билла Додда-младшего**, чей отец был послом США в Германии. Иными словами, то, что он делал, не имело особенно большого значения. С другой стороны, мы нашли список агентов, завербованных КГБ в 30-е годы, с указанием места работы. Так вот, второй по численности профессией в этом списке оказалась журналистика. Опять-таки: журналисты редко имеют доступ к государственным тайнам, но, тем не менее, они могут быть очень полезны, потому что у них широкий круг знакомств, потому что их работа – задавать вопросы, ну и в качестве орудия возможной дезинформации. Так что Стоун был относительно незначительной фигурой, но он точно работал на КГБ».

Одна из глав книги посвящена интересу советских агентов к американскому ядерному проекту. И если блокноты Александра Васильева безоговорочно свидетельствуют о виновности Хисса и Стоуна, другого знаменитого американца, на которого падало подозрение, они реабилитируют, считает **Харви Клер**:

«Наиболее крупный вопрос, по которому благодаря этим материалам мое мнение изменилось, – это **Роберт Оппенгеймер**, директор американского атомного проекта в Лос-Аламосе во время Второй мировой войны. В течение многих лет в Соединенных Штатах велись бурные дебаты о том, был ли Оппенгеймер источником советской разведки. Существуют работы, в которых утверждалось, что был. Они написаны на основе свидетельств, к которым и Джон Хэйнс, и я относились скептически. Он действительно как будто был скрытым коммунистом. Но это не то же самое, что быть шпионом. Записи Васильева, я считаю, неопровержимо доказывают, что Оппенгеймер не был советским источником».

Подзаголовок книги Джона Эрла Хейнса и Харви Клера – «Взлет и падение КГБ в Америке». Падение началось в 50-е годы, когда благодаря решитель-

ным действиям ФБР, советским перебежчикам и атмосфере антикоммунизма в американском обществе, шпионская сеть была разорвана. Здесь возникает любопытный вопрос: так ли уж неоправданны были расследования комиссии Маккарти и только ли паранойей диктовались представления о том, что повсюду агенты Москвы? И другой вопрос – почему американская контрразведка бездействовала раньше? Ответ **Харви Клера**:

«Думаю, в силу сочетания нескольких факторов. В течение многих лет Соединенные Штаты не придавали значения контрразведке и не очень хорошо владели этим ремеслом. Во время Второй мировой войны они стали делать в этом направлении гораздо больше, но главным приоритетом была борьба с японским и немецким шпионажем. В годы войны ФБР начало целый ряд серьезных расследований, и именно они в конечном счете привели к полномасштабному разоблачению советской шпионской сети. Но расследования эти были не особенно успешны вплоть до 1945 года. Радиogramмы советских резидентов, перехваченные американской контрразведкой, оставались долгое время нерасшифрованными. Над этими материалами начали работать в 1943 году, но настоящего успеха не было до 1945-46 года, когда расшифровка совпала по времени с разоблачениями перебежчиков – **Элизабет Бенгли** и **Игоря Гузенко**. Кроме того, с окончанием войны все ресурсы могли быть мобилизованы на борьбу с этой угрозой».

Книга «Шпионы» вызвала полемику, с некоторыми ее выводами не все согласны, но общий тон рецензий весьма благожелательный.

Вряд ли книга «Шпионы» будет в ближайшее время переведена на русский язык, но с материалами, которые легли в ее основу, русские читатели могут познакомиться – блокноты Александра Васильева полностью выложены на сайте международного научного центра имени Вудро Вильсона в рамках проекта по изучению Холодной войны.

Источник: <https://www.svoboda.org/a/1783854.html>

Библиотека Велесова Слобода, 2017 г.